

София Максимычева

Воробей на ветке

Заходится рябью вода под ногами,
небесная влага заполнила пустошь.
Задумчиво люди плывут под зонтами,
страшатся, чтоб только не стало им грустно.

Они обезличены маревом тусклым,
их думы—о хлебе насущном, о детях.
И путь их суровый канавами услан,
и мокрый фонарик им больше не светит.

Скорее бы выйти знакомой дорогой
до истины или хотя бы до дома.
И стоит напрячься всего-то немного,
а может, дорогу укроют соломой.

И ветер торопит, толкается в спину,
а кто-то споткнётся о рельсы нектати...
Но воздух просохнет, чтоб головы вскинуть
и плечи расправить для жарких объятий.

Сирень

Вот ангел склонился над домом,
и дом зажигает огни.
Как это до боли знакомо,
покажется—только шагни.

Войди в это светлое «помню»,
где мама шарлотку печёт;
и мальчик листает двухтомник,
а рядышком греется кот.

Идиллия или картинка
из прошлой счастливой поры.
Опустится хмурая дымка
и ангела скроет вихры.

Останется: пепел, дорога,
усталость от разных невзгод...
Но веришь, что там у порога—
сирень беспробудно цветёт.

Медное блюдо наполнено светом
яблок янтарных с истрёпанных веток.
Счастья достаточно пчёлам блаженным,
зреет отвар с драгоценным женьшенем.

Мёд и елей на губах медовара,
время густое, как капля нектара.
Взбитое небо, где птицы болтливы,
смерть притаилась в корнях дальней ивы.

Рано ей тешиться телом пчелиным,
пить и смеяться под тенью осины.
Будет зима и година под спудом
в тёмном пространстве, ветрами обдутом.

Но вопреки и назло лихоимству
ульи воскреснут под яблонь молитву!
И полетят неуёмные пчёлы
в сад благовонный с настроем весёлым.

Каких соловьёв мне подкинет природа,
играя на спор в остывающий век?
Заходится горлом сухая погода
в низине петляющих медленных рек.

Поодаль, в кустарнике,—гнёзда без света,
примята горчащая пеплом трава,
как будто вся жизнь наизусть перепета
запойной пичугой не раз и не два.

И чудится мне в очевидном простое
отрезок пустой болтовни не со зла
испивших янтарный отвар зверобоя,
чья птичья эпоха на убыль пошла.

В тени ли грустить о несбыточном благе?
А может быть, пусть остаётся как есть:
усталая трель в крутобоком овраге,
зовущая изредка рядом присесть.

Воробей на ветке

Качает ветер ветку,
на ветке—воробей.
У птицы взгляд недетский,
а ветер всё страшней.

Он так рычит и эдак
и птичку теребит;
и добрых нет соседок,
и никаких защит:

от жизненной напасти,
от снега и вранья,
от жадной волчьей пасти
и клюва воронья.

Так запросто и сгинешь—
ни неба, ни земли—
в предзимней мешанине,
пока душа болит.

О ветке без гнездовья,
о смутном житие...
О мамином здоровье
и каждом воробье.

безупречен голос у дивной флейты,
тихо льётся звук, словно нет зимы.
за окном декабрь, облака на рейде,
кучерявый абрис водой размыт.
перестать бы верить, да разве сможешь?
говорят—всему в этой жизни срок.
убирает руки в карман прохожий
и бежит от ветра наискосок.
серый воздух в небе плотнее, злее,
у тебя подружка—из шерсти шаль.
к ней щекой прижмёшься:
— жалеи!
— жалею...

бархатистый вторит по нотам альт.
для озябших птиц на ольхе кормушка.
сколько их ещё, кто к зиме готов?
одинокий вечер. часы с кукушкой.
и звучащий моцарт среди снегов.